Крауч Блейк

Прекрасный маленький городок

-1-

Они проезжают рано утром в «Гелендвагене» с калифорнийскими номерами, чьё днище прогибается под тяжестью чемоданов, и хоть стёкла машины затонированы, мы готовы поспорить, что они улыбаются. Все улыбаются, попадая в наш городок с населением 317 человек.

Тут горы и сосны, водопад, искрящийся по ночам, и чистое западное небо, идеальные домики, раскрашенные в яркие цвета, и огороженные заборчиками лужайки, магазинчики, чьё название мы произносим на староанглийский манер, и свежий запах, идущий от реки.

В межсезонье парковочных мест тут в изобилии. Они выбирают место перед кофейней, выходят из машины, по-прежнему улыбаясь — приятная пара лет сорока в модной одежде и с модными стрижками во внедорожнике марки «Мерседес». Всё кричит об их богатстве, которое мы и так ясно и чётко видим.

Мы подаём им латте и пирожные из слоёного теста ручной работы, а они бросают в вазу для чаевых несколько долларовых купюр, позабавленные хитрой надписью под ней: «Не стесняйтесь выражать благодарность» («Don’t be chai to espresso your gratitude»)[1].

Они около часа отдыхают в огромных креслах, потягивая горячий кофе и изучая висящие на стенах произведения местного искусства. Когда они, наконец, встают, чтобы уйти, женщина говорит мужу, что больше таких городков они не встретят.

-2-

Они блуждают по центру города, заглядывая в наши магазинчики, пока небо затягивает свинцовыми тучами.

У нас они покупают:

— полфунта шоколадной помадки;

— пять открыток;

— энергетические батончики из магазина для туристов;

— изображение горнолыжного курорта Аспен из сусального золота в тоненькой рамке.

Они говорят нам, какой у нас прекрасный маленький городок, а мы отвечаем, что знаем это. Куда бы они ни шли, везде задают кучу вопросов. И мы с энтузиазмом отвечаем, а под предлогом болтовни узнаём некоторую личную информацию: Рон — пластический хирург, а Джессика — практикующий юрист.

Они приехали из Лос-Анджелеса, и это их первый отпуск за четыре года.

Мы интересуемся, наслаждаются ли они поездкой.

— О, да, — отвечают они. — О, да.

-3-

У каждого из них есть фотоаппарат. Они фотографируют всё:

— зубчатые горы, возвышающиеся над горизонтом;

— оленей, пасущихся во дворе дома;

— старый причудливый театр;

— снег, который только начал падать и покрыл асфальт тоненькой корочкой льда.

Они просят нас сфотографировать их вдвоём, и естественно, мы радостно соглашаемся.

-4-

День подходит к концу.

На улице темнеет.

С каждым часом метель становится всё сильней.

Вдоль всей Мейн-стрит зажигаются рождественские огни.

Сегодня день зимнего солнцестояния, самая тёмная ночь в году. И когда чета Шталей собирается покинуть город, они видят, что шоссе перекрыто в обоих направлениях, тяжёлые ворота перегораживают дорогу и заперты на висячий замок. Потому что, когда начинается сильнейшая пурга, путешествие в горы становится чрезвычайно опасным.

Точнее, это то, что мы им говорим.

-5-

Они подходят к стойке регистрации.

— Добро пожаловать в гостиницу Лон Кон, — мы улыбаемся от всего сердца.

Рон говорит:

— Похоже, мы застряли в Лон Коне на всю ночь. Мы можем…?

— Ох, простите, мы полностью забиты. Я как раз отдала ключи от последнего номера минуты за две до того, как вы вошли.

Мы с молчаливым ликованием наблюдаем, как их взгляд скользит по холлу, где сейчас пусто и тихо, как в морге; и единственным звуком, нарушающим тишину, было потрескивание огня в камине.

В разговор встревает жена:

— Но мы были здесь целый день, и не видели в городе других туристов.

— Прошу прощения, но…

— В городе есть другая гостиница?

— Есть мотель, но он не работает в это время года.

— И что нам делать?

— Я не уверен, что пони…

— На улице буран, все дороги перекрыты, а вы мне говорите, что эта гостиница — единственная, и все места забронированы?

— Мне действительно жаль.

— И где вы предлагаете нам спать? В машине?

Джессика, похоже, готова разрыдаться.

Мы протягиваем Рону блокнот и просим записать свой номер телефона, обещая, что если что-то освободится, мы сразу позвоним.

-6-

Рон и Джессика сидят в Мерседесе и наблюдают, как хлопья снега падают на ветровое стекло. Метель засыпает городской парк, и весь Лон Кон окутывает глубокая морозная синева.

— Да ты, мать твою, издеваешься надо мной, Рон?

— Я понимаю.

— Понимаешь? Да это ты должен был позвонить заранее и забронировать нам номер!

— Мы же не собирались здесь останавливаться, Джесс! Помнишь? Мы планировали провести здесь день и отправиться в Аспен.

— Только, похоже, все планы пошли псу под хвост, не так ли?

— Ну, да.

— Так может было бы прекрасной идеей забронировать места в качестве плана Б? Что скажешь, Рон?

Он смотрит через стекло, руки сжимают руль, а потом переводит взгляд на жену. Он вглядывается в её безумные от злости глаза со стальным блеском, которые точно вселяют страх в её ассистентов и секретарей её фирмы.

— Что? — спрашивает он.

— Почему ты об этом не позаботился?

— Прости.

— Да пошёл ты, Рон! Я не хочу сегодня ночью спать в этой чёртовой машине! Не таким я представляла свой рождественский отпуск, пока рвала задницу последние…

— Я понимаю, Джесс.

Рон вытаскивает ключ из замка зажигания.

— Что ты делаешь?

— Милая, пойдём, съедим огромный горячий ужин, выпьем бутылочку лучшего вина и забудем хоть на какое-то время про всё это дерьмо, ладно?

Джессика заправляет короткие каштановые волосы за уши. Рон чувствует, надеется, что перерезал сейчас правильный провод и обезвредил бомбу.

— А что, звучит неплохо.

Ему нравится это в жене — то, как она за две наносекунды может превратиться из психованной сучки во вполне миролюбивую женщину.

— Мой телефон полностью заряжен, — говорит он, — поэтому давай думать позитивно. Возможно, пока мы будем ужинать, нам позвонят из гостиницы и скажут, что у них появился свободный номер. И все проблемы разрешатся сами собой.

Джессика улыбается, и Рон кладёт свою руку на её обтянутое джинсовой тканью бедро.

— Эй-эй, — предупреждает она. — Это надо ещё заработать, малыш.

— Ты уверена?

Очевидно, нет, потому что она притягивает его руку к своему бедру и пододвигается навстречу, а Рон расстёгивает пуговицу на её джинсах и пропускает пальцы между её кожей и тканью белья, чувствуя влагу и тепло.

«Похоже, она так возбудилась ещё со вспышки ярости. Готов биться об заклад».

Она стонет и тянется к пуговице на его брюках. Затем отбрасывает его руку со своих бёдер и перегибается через ручник к его коленям…

Рон наклоняется, нащупывает пальцами нужную кнопку, и кресло откидывается назад, предоставляя Джессике больше пространства между животом Рона и рулевым колесом.

Треск ветрового стекла. Рон вздрагивает, распахивает глаза, а Джессика прикусывает ему кожу, вскидывает голову, и оба в унисон произносят:

— Что за чёрт?

-7-

Паутина трещин покрывает лобовое стекло под прямыми углами. Рон застёгивает штаны, распахивает дверь и выскакивает наружу.

Рон стоит под усиливающимся снегопадом, видит три фигуры, рванувшие через парк, и слышит громкий детский смех.

— Да этот Бенц[2] стоил сто тридцать тысяч долларов, вы, маленькие засранцы! — кричит Джессика, а Рон поднимает с капота камень размером с кулак.

— Прекрасный маленький городок, да? — фыркает Джессика.

— Проклятие.

— Что такое?

Рон трёт промежность.

— Ой, малыш, прости, — говорит Джессика. — Я испугалась, когда прилетел камень.

— И что ты сделала, когда испугалась? Укусила меня? — Рон отшвыривает камень в сторону.

— Идём ужинать.

— Подожди, надо позвонить в полицию…

— Слушай, я замёрз, хочу есть, а теперь ещё и член болит. Давай выпьем в отличном ресторанчике, а со всем остальным будем разбираться завтра. Помнишь, нужно мыслить позитивно?

-8-

Они идут по тротуару вдоль Мейн-стрит, и огни фонарей у дороги подсвечивают падающие снежинки.

— Который час? — интересуется Джессика.

Рон бросает взгляд на часы:

— Семь пятнадцать.

— Так, где тогда, мать их, все жители? Город словно вымер.

Она права. Каждый магазинчик, который они посетили днём, был уже закрыт, витрины тёмные, а единственным звуком, нарушающим тишину в Лон Коне, было потрескивание уличных фонарей.

Они проходят мимо паба, заколоченного на зиму.

Кафе под названием «Бутербродная лавка» открывалось только к полудню.

Закусочная разорилась.

Когда они дошли до северной окраины города, Джессика говорит:

— Рон, всё закрыто.

— Да, похоже на то.

— Я хочу есть.

Рон выходит на середину улицы, оглядывает дорогу в обе стороны: никакого движения, даже не видно следов шин на дороге под нападавшим с обеда двенадцатисантиметровым слоем снега.

— Это плохо, Рон, очень…

— Стой.

— Что?

Он улыбается. Наверно, он сразу это не заметил, потому что свет был очень тусклым. В одном квартале от них на другой стороне улицы он заметил в окнах первого этажа старого здания столы и свечи. Такая атмосфера может быть — и должна быть — только у уютного ресторанчика.

-9-

Они стоят на входе ресторана «У Кристин» и ждут официанта. Джессика наклоняется к уху Рона и шёпотом спрашивает:

— Милый, и почему у тебя эрекция?

— Это ещё предыдущая, — отвечает он. — С тех пор как ты сделала «ам», — щёлкает он зубами, — она так и не проходит.

— Ох. Мило.

Их подводят к столику у окна с видом на улицу. Они присаживаются и ожидают официанта, наблюдая за тем, как метель на улице заметает их следы.

— Что-то они медлят, правда? — говорит Джессика.

— Расслабься, милая.

— Мы в этом ресторане — единственные посетители.

Рон тянется через стол и берёт жену за руку.

— Несмотря на все проблемы, я рад, что сижу здесь с тобой.

Она широко улыбается, в её глазах отражается пламя свечей.

— Мы тяжело работали, чтобы отправиться в эту поездку.

— Надо было уже давным-давно это сделать.

— Для парочки трудоголиков это проще сказать, чем сделать.

— Ты думаешь о работе?

— Немного. А ты?

— Виноват.

— Когда ты вернёшься, все твои пациенты будут по-прежнему тебя ждать. Особенно женщины. «О, доктор Шталь, исправьте мне носик! О, доктор Шталь, выкачайте жир из моих бёдер!»

Они болтают, а по ту сторону оконного стекла бушует снежная вьюга. Рон рассказывает про книгу, которую сейчас читает — биографию Калвина Кулиджа[3], - когда лицо Джессики темнеет.

— Что-то не так?

— Мы сидим здесь уже пятнадцать минут, а к нам никто до сих пор не принёс и стакана воды.

Они осматривают ресторан: больше не занят ни один столик, не видно ни одного официанта, и только от металлической двери, предположительно ведущей на кухню, доносится слабый шорох.

— Я позову кого-нибудь, — говорит Рон и поднимается из-за стола.

Он направляется к этой двери, его лицо краснеет от злости, но как только он доходит до неё, дверь открывается и появляется женщина в белой блузке и чёрном переднике. В руках она держит поднос со стаканами воды.

Он отшатывается, избегая столкновения.

— А я как раз шёл кого-нибудь позвать, — говорит Рон. — Мы сидит тут уже пятнадцать минут и никто…

— Простите за задержку, — говорит официантка.

— Да нет, всё нормально. Мы решили, что вы все отсюда свалили, — Рон кивает на пустой ресторан.

Официантка смеётся громко и задорно, как подросток, и Рон уже жалеет, что не сдержал сарказма. Он идёт за женщиной к столику и садится на стул.

— Меня зовут Мэри-Элис, и сегодня я буду вашим официантом. Вы, ребята, уже придумали, что будете на ужин? — она расставляет стаканы на столик.

— Нам дали только винную карту, — говорит Джессика.

Официантка бросается к стойке, берёт парочку меню и возвращается к столику.

— Есть какие-то специальные предложения вечера? — интересуется Рон.

— Боюсь, что нет.

Официантка разворачивается, чтобы уйти, но Джессика её останавливает:

— Нет, милочка. Подождите прямо здесь. Мы не будем долго решать.

Штали изучают меню и озвучивают заказ. Он покупает бутылку вина «Кот дю Ванту» за 175 долларов, и им кажется, что теперь всё уладилось, когда они знают, что еду и вино уже скоро подадут.

-10-

Официантка подаёт Рону бутылочку вина. Тот берёт её, как новорожденного, и удостоверяется, что женщина принесла ему вино именно того урожая, что он заказывал.

Мэри-Элис достаёт штопор, ловко вынимает пробку и наливает немного вина в бокал Рона.

Мужчина качает бокал из стороны в сторону, принюхивается и говорит:

— Нет, что-то не так.

— Что? — спрашивает Джессика.

— Запах. Вот, понюхай.

Джессика делает вдох:

— Уксус.

— Это вино испорчено, — говорит Рон. — У вас есть ещё одна бутылочка такого вина?

— Простите, но эта была последней.

— Тогда просто принесите бутылочку «Бордо».

-11-

Джессика улыбается, когда официантка приносит заказанную еду.

— Скажи честно, — говорит Рон, — ты заказала куриный пирог, потому что он стоил сорок долларов?

— Меня заинтриговала столь высокая цена за такое простое блюдо.

Снаружи всё ещё идёт снег, даже сильнее, чем раньше, если такое вообще возможно.

Официантка ушла, и весь ресторан был в распоряжении четы Шталь.

— Выглядит неплохо, — говорит Рон, тыкая вилкой в сторону тарелки Джессики.

Куриный пирог еле вмещается на тарелке, золотистая корочка прекрасно прожарена, а из центра пирога поднимается пар.

— Как же я голодна! — произносит Джессика, проламывая вилкой хрустящую корочку и откусывая кусочек пирога. — Бог мой, он стоит каждого заплаченного цента. А как твоё?

Рон проглатывает ложку пасты с морскими гребешками и соусом из моллюсков.

— Невероятно. Знаешь, если нам пришлось пройти через всю ту хрень ради такого ужина, должен сказать, что оно того стоило.

Он поднимает бокал, делает глоток и зажмуривается от наслаждения, стараясь прочувствовать этот вкус напитка, пока вино медленно стекает по горлу. И тут Джессика судорожно всхлипывает.

Рон открывает глаза и видит, как по подбородку его жены стекают струйки крови, а из нижней губы торчат два рыболовных крючка. Она сплёвывает что-то на стол — овальное, размеров в полтора сантиметра, — и сперва Рон принимает это за камень или фасолину. Пока оно не начинает резво убегать.

Из-под пирога выползают другие тараканы, и Рон инстинктивно вскакивает из-за стола и отбегает прочь. Теперь он видит, что весь пирог начинён рыболовными крючками и тараканами.

А в свете свечей поблёскивают перемешанные с морковью, картофелем и куриным филе осколки стекла.

Джессику рвёт на пол, и Рон чувствует, что и его вот-вот вырвет.

Рон помогает своей жене встать и отойти от стола. А что же могло скрываться в его перламутровом соусе из моллюсков?! Он ведь уже успел пару раз откусить! Нет, лучше об этом не думать.

Джессика дрожит, а по щекам бегут слёзы.

— Тише, милая. Дай мне взглянуть.

В тусклом свете он видит, что один из крючков почти не зацепился за губу.

— Я могу достать один прямо сейчас.

И аккуратно, с присущей его руками хирургической точностью, он вынимает крючок из края её губы.

— А вот второй зацепился сильно. Кажется, бородка крючка ушла глубоко под кожу.

— Язык! — плачет Джессика.

— Дай посмотреть.

Она высовывает язык, и даже при плохом освещении Рон видит глубокий порез на правой половине языка.

— Господи, это хреново. Вспомни, ты проглотила хоть чуть-чуть стекла?

— Не знаю.

— Ладно, оставайся здесь.

— А ты куда?

— Я убью эту сволочь!

— Нет, подожди, — её губы уже начали опухать, и согласные выговаривались нечётко.

— Что?

— Давай просто отыщем шерифа.

— Да к чёрту его!

Рон бросается к задней двери ресторана, сжав руки в кулаки, и распахивает металлическую дверь.

В кухне темно.

— Здесь есть кто-нибудь? — кричит он.

-12-

Они снова подходят к стойке регистрации в гостинице и видят там ту же женщину-клерка, что и прошлый раз. Она сидит во вращающемся кресле и с упоение читает женский роман в мягкой обложке.

— Простите, — говорит Рон, и женщина поднимает глаза.

— Да?

— Где больница? — он кивает на свою жену, прижимающую ко рту окрашенную бордовым салфетку. — Моя жена нуждается в медицинской помощи.

— Простите, у нас есть только медпункт, но он уже закрыт.

— У вас нет больницы?

— Ближайшая в пятидесяти километрах отсюда, но вы же знаете, все дороги сейчас перекрыты.

— Ладно, а шериф у вас есть?

— Конечно, но уверена, что его офис тоже уже закрыт. Уже почти девять вечера.

— Как вас зовут?

— Кэрол.

— Скажите, Кэрол, что делают жители этого города, когда им нужен страж грёбаного правопорядка?!

— Что-то произошло?

— Да, кое-что произошло.

— Думаю, я могла бы поискать шерифа Хансона дома.

— Правда? А то я не хочу ставить вас в неловкое положение из-за того, что кто-то набросал в чёртов ужин моей жены стекло, крючки и тараканов, и она почти разрезала свой язык на…

— Рон, она в этом не виновата.

Кэрол поднимет трубку, набирает номер и спустя пару секунд произносит:

— Артур? Привет, это Кэрол. Передо мной сейчас стоит пара приезжих, и мне кажется, им нужна твоя помощь… Не знаю… Да, думаю, так и есть… Ладно.

Она кладёт трубку.

— Он сейчас подойдёт.

— Спасибо, — отвечает Рон. — А теперь, мы надеемся, что у вас найдутся для нас и другие хорошие новости.

— Например?

— У нас был очень тяжёлый вечер, и нам нужна…

Она качает головой:

— Извините, но у нас всё занято.

— Я заплачу двойную цену. Тройную. Я не…

— Сэр, что вы хотите, чтобы я сделала? Выгнала кого-то вон? Извините, но у нас нет свободных мест.

-13-

Они сидят у камина на кожаном диване, Рон обнимает Джессику, пробегая пальцами по её волосам. Он размышляет о том, что они могли бы сидеть в этом холле у огня при совершенно иных обстоятельства, с бокалами вина, в обнимку, и строить планы на будущее.

В те редкие моменты, когда его разум очищался от мыслей о случившимся, он начинал признавать, что, несмотря на все заработанные им с Джессикой деньги, они впустую тратят свои молодые годы: он — на супербогатых, но абсолютно поверхностных фиф, которые готовы отдать семьдесят тысяч долларов на изменение формы носа, а Джессика — на безликие фармацевтические компании, гонящиеся за очередным лекарством на миллиард долларов.

— Мне нужно обезболивающее, — хнычет Джессика.

— Как только мы поговорим с шерифом, то отправимся в машину. Там в чемоданчике у меня есть «Лортаб»[4]. Джесс, можешь пару секунд посидеть здесь одна?

— Зачем?

— Я хочу подняться наверх и проверить кое-что.

— Пожалуйста, возвращайся скорее.

Он идёт по пустому холлу, стены которого увешаны чучелами мёртвых животных — голова лося над камином в окружении койотов, огромный бурый медведь на задних лапах за стеклом, птицы, застывшие в полёте, свисающие с потолка на проволочных шнурах. Рон бежит наверх, перепрыгивая через ступеньки, и попадает в коридор, освещённый искусственным светом фонарей, вмонтированных в стены между дверями.

И проходит дальше по коридору и останавливается.

Он приближается к первой же двери, прижимает к ней ухо, но слышит лишь гулкий стук собственного сердца.

Он проходит ещё мимо трёх дверей, у четвёртой останавливается и становится на колени.

Заглядывает в щель между дверью и паркетом. Только темнота.

Он поднимается, стучит в дверь. Никакого ответа.

Подходит к другой двери и стучит сильнее.

Колотит изо всех сил в третью.

— На этом этаже есть кто-нибудь? — кричит он.

-14-

Женщина-клерк смотрит, как к ней подлетает Рон.

— Не расскажете, какого чёрта тут происходит?

Её глаза чуть расширяются, она проводит пальцами по корешку книги и поднимается с кресла. Невысокая, крепкая, лет пятидесяти с небольшим, а её огромные глаза ещё больше увеличиваются из-за линз очков.

— Мне не нравится такой тон…

— А мне плевать, что вам не нравится. Я только что вернулся со второго этажа. Он пуст.

— Нет, не пуст.

Звук, похожий на взрыв вдалеке, немного сбивает Рона с мыслей.

— Все комнаты тёмные и пустые.

Джессика поднимается с дивана и подходит к ним.

— А вам не приходило в голову, что наши гости спят? Или отправились на ужин?

— Все до единого? Почему вы не дадите нам номер? Что мы вам сделали, что вы…

— Я вам уже говорила. У нас нет свободных комнат.

Джессика доходит до стойки регистрации, становится рядом с Роном и спрашивает опухшими губами:

— Что происходит?

— Они пытаются нас обдурить!

— О чём ты говоришь?

— Милая, я только что поднимался на второй этаж. Ни одна комната не занята.

Джессика переводит испепеляющий взгляд на женщину-клерка:

— Это правда?

— Конечно, нет.

— Покажите.

— Простите.

Джессика наклоняется к ней, отнимает от лица салфетку, чтобы женщина увидела всё ещё торчащий в её губе рыболовный крючок.

— Покажите.

— Я не обязана никому из вас показывать…

— Да я юрист, сука, и я прямо сейчас тебе торжественно клянусь: когда я вернусь в Лос-Анджелес, то первым делом позвоню в самую лучшую юридическую фирму в Денвере, найму самого крутого ублюдка и засужу и твою задницу, и эту вашу чёртову забегаловку! Вытрясу всё до последнего цента!

Рон видит, что женщина-клерк почти готова разрыдаться, и очень удивляется, когда она наклоняется вперёд, улыбается Джессике и открывает рот…

Двери в холл со скрипом открываются, привлекая внимание присутствующих.

На нём чёрная, толстая куртка, припорошенная снегом, к отвороту пришита звезда шерифа. Мужчина улыбается и кладёт на полку шляпу, с которой на паркет падает несколько комков снега.

— Добрый вечер, народ, — говорит он, шагая к ним.

— Ох, Артур, — женщина-клерк начинает рыдать. — Они мне столько наговорили…

Шериф подходит к стойке регистрации.

— О чём ты, Кэрол?

— Эта женщина мне грубила. Назвала сучкой. Угрожала подать в суд…

— Подождите минутку… — вмешивается Джессика.

— Я дам вам высказаться. Потом, — говорит шериф и поворачивается к Кэрол:

— Расскажи, что случилось.

— Я пыталась объяснить этой паре, что у нас нет свободных ком…

— Да она врёт! — вопит Рон.

— Вам лучше пройтись, проветриться, — говорит шериф и направляется к входной двери. — Прошу вас, выйти.

Рон почтительно поднимает руки, и они с Джессикой пятятся к выходу.

Женщина-клерк кивает в сторону Рона.

— А этот джентльмен поднялся на второй этаж и начал колотить во все двери и кричать так громко, что я слышала его голос со своего места. У нас будет куча жалоб.

— А потом его жена начала тебя оскорблять?

— И он тоже.

— Что он сказал?

— Я точно не помню, но он много матерился. Они оба.

Рон видит, как шериф тянется через стойку и сжимает руку Кэрол.

— Прости, Кэрол. Я с ними разберусь.

— Спасибо, Артур.

Шериф надевает ковбойскую шляпу, разворачивается и направляется к чете Шталь, и на его лице насмешка граничит со злостью.

Он останавливается, и металлические носы его сапог находятся в полуметре от носов промокших кед Рона.

— Сэр, вы поднимались наверх и нарушали спокойствие гостей? Ругались на…?

— Я могу объяснить…

— Нет, не надо объяснять. Просто ответьте на вопрос, который я задал. Вы с вашей женой делали то, что я перечислил?

— В этой гостинице нет ни души, кроме нас четверых, а эта женщина не хочет предоставить нам номер на ночь. Пожалуйста. Пойдите наверх и проверьте сами.

Шериф Хансон наклонил голову, так что затрещали позвонки.

— Сэр, вы начинаете выводить меня из себя.

— Я не пытаюсь вывести вас из себя, офицер, я просто…

— Шериф.

— Что?

— Я шериф, а не офицер.

— Слушайте, шериф, последние пару часов здесь были для нас отвратительными, и мы лишь…

Шериф делает шаг вперёд, на добрых десять сантиметров возвышаясь над Роном, и прижимает того к стене. Его дыхание отдаёт мятными леденцами с корицей.

— Вы ответите на мой вопрос? Делали ли вы то, что говорила Кэрол?

— Вы не понимаете, она…

Шериф зажимает пальцами нос Рона, впивается ногтями в хрящ, подтягивает к дверям, которые открывает пинком правой ноги. Рон теряет равновесие, и шериф просто выталкивает его наружу в огромный сугроб снега, сваленного в кучу на свободном паковочном месте.

Он слышит слова Джессики:

— Не смейте, мать вашу, меня трогать.

— Тогда уходите сами.

Она подбегает к Рону, помогая ему сесть в снегу. Его нос горит огнём. Семья Шталей смотрит на шерифа, стоящего под навесом гостиницы Лон Кон и поправляющего смятую куртку.

— Угадайте, что произойдёт, если я ещё хоть раз увижу вас сегодня ночью?

— Бросите нас в тюрьму? — с издёвкой произносит Джессика.

— Нет, просто выбью из вас всё дерьмо. Из вас обоих.

Джессика поднимается на ноги и подходит к шерифу.

— Вы это видите? — кричит она, тыкая пальцем в нижнюю губу.

— Да, у вас в губе рыболовный крючок застрял.

— Ваш маленький ресторанчик вот там…

— Мне плевать. Вы истратили весь мой добрый настрой. И теперь я начинаю злиться, поэтому лучше бы вам свалить с моих глаз долой прямо сейчас.

— Пожалуйста, мы просто…

— Прямо. Сейчас.

Рон редко видел, чтобы Джессика шла на попятный, но сейчас что-то в тоне шерифа заставило её сойти с тротуара. Наверно, возможность того, что он может дать ей пощёчину или ещё хуже.

— Пойдём, Рон, — она наклоняется, протягивает ему руку, и они, взявшись за руки, идут по улице прочь от гостиницы.

Джессика поворачивает голову и кричит через плечо:

— Ещё ничего не кончено! Вы же это знаете, да?

— Лучше идём дальше!

-15-

— Ну что, болит, Джесс?

— Ужасно.

Они идут посреди Мэйн-стрит по единственной оставленной грузовиком колее. Джессика идёт впереди и рыдает, но Рон не делает ни единой попытки её успокоить. Он уже однажды совершил такую ошибку, когда её обошли с должностью старшего партнера. Её страх и уныние тотчас превращались в ярость, как у раненого зверя.

— Мне холодно, Рон.

— Я размышляю.

— Размышляешь?

— Я проверял, в этом городишке нет сотовой связи.

— Точно.

— Нет комнаты, где мы можем остановиться на…

— Хватит повторять мне ту хрень, которую я уже знаю.

— Вернёмся в машину. В сумке у меня есть «Лортаб». Мы опустим сидения и…

— Значит, будем ночевать в машине?

— Милая, когда «Лортаб» начнёт действовать, то ты даже не отличишь откинутые сидения от кровати в номере «Уолдорф-Астория»[5]. Мы включим печку, и внутри будет тепло и уютно.

— Господи, Рон!

— Это всё, что я могу сделать, Джесс. Возможно, когда мы проснёмся, они уже откроют дороги, и мы свалим из этого чёртового города.

Они подходят к концу Мэйн-стрит. Окна всех домов темны, и единственный приглушённый свет исходит от уличных фонарей. Метрах в двухстах Рон видит ворота, перекрывающие дорогу, идущую на север к перевалу.

— Видишь это? — спрашивает Джессика.

Вдалеке от домов и дороги, ближе к городскому парку, в небо рвутся лепестки пламени костра.

Они ускоряют ход. У Рона начинает теплиться надежда, что это может быть вечеринка, где им помогут. Но только он открывает рот, чтобы предложить Джессике подойти туда, как она вскрикивает и срывается с места по направлению к костру.

-16-

Они безмолвно стоят в десяти метрах от полностью выгоревших итальянских кожаных сидений. Очевидно, восстановлению они уже не подлежат. Стёкла выбиты, через них вырываются языки пламени. Приборная панель пузырится кипящим пластиком. От горящих шин поднимается чёрный дым и смешивается с белым падающим снегом.

От тёплого воздуха лицо Рона начинает пощипывать, и ему приходит на ум, что обморожение — ещё один повод для волнения.

— Почему они так с нами поступают? — спрашивает Джессика.

— Не знаю.

Он осознаёт, что голос его жены больше не яростный, а удивлённый и испуганный. И сам Рон впервые за вечер начинает чувствовать что-то похожее: не разочарование или раздражение, а настоящий страх.

Он обнимает жену за плечи, и минуту они так стоят и смотрят на огонь, а потом Джессика разворачивается к мужу лицом, и дорожки слёз на её щеках поблёскивают в свете огня.

— Обними меня крепче.

Рон прижимает её к себе, и в этот момент фонари на Мэйн-стрит гаснут, торговые автоматы на улице потухают и перестают жужжать. Город накрывает гнетущая тишина. Ничего, кроме тихого шуршания снега, оседающего на их куртки, и шипения от горящего «Мерседеса».

— Что-то происходит, — говорит она. — Я права?

— Возможно, это из-за бури.

— И ты действительно в это веришь, Рон?

-17-

Они проходят мимо старинных домов в викторианском стиле, украшенных позолотой. Вероятно, жильцы проделали огромную работу, чтобы превратить свой дом в такое произведение искусства.

Рон открывает калитку в металлическом заборе с острыми пиками на концах прутьев, и они направляются через снег к входной двери.

— Что ты им скажешь? — шепчет Джессика.

— Правду. Нам нужна помощь.

Он хватает латунный дверной молоточек и трижды ударяет в дверь.

Проходит несколько секунд.

Никто не подходит к двери.

— Давай попробуем пойти к другому дому, — говорит Рон.

Они пробуют достучаться ещё в пять домов на этой улице, потом ещё в три — на другой. Но, несмотря на стоящие у домов машины, следы колёс и ботинок на снегу перед домами и другие очевидные свидетельства проживание, каждый дом, к которому они подходили, пустовал.

-18-

Часы Рона сигналят 23:00, когда они подходят к пересечению Мэйн-стрит и 12-ой улицы. Они с Джессикой дрожат от холода, снег не перестаёт идти, и за его стеной почти ничего нельзя рассмотреть; лишь смутные очертания зданий и витрин в тусклом свете фонарей.

— Мы так и умрём, если останемся здесь, — говорит Джессика, клацая зубами.

Рон оглядывает улицу. Сейчас на земле лежит почти тридцатисантиметровый слой снега, следы машин полностью заметены. И на дороге, и на тротуаре — везде — лишь гладкий, ровный слой снега.

— Рон?

Ему кажется, что краем глаза в квартале отсюда он видит движение — фигура, одетая в белое.

— Рон! Я сейчас до смерти замёрзну, стоя здесь…

— У меня идея.

Они переходят улицу и идут на юг по тротуару.

— Рон, я уже не чувствую ног.

— Тогда тебе повезло. Мои просто горят от холода.

Через четыре квартала они пересекают 8-ую улицу, и Рон останавливается у навеса с надписью «Любое снаряжение». Снег залепил некоторые буквы, поэтому не все слова на витрине угадываются.

— Почему мы сюда пришли? — спрашивает Джессика.

— Если мы не скроемся от этой стихии, то умрём. Мне кажется, лучше вломиться в магазин, чем в частный дом, я прав, советник?

Она смотрит на него, как на сумасшедшего.

— Милый, а получше идеи у тебя нет?

— Нет.

— Тогда смотри по сторонам и молись, чтобы в этом магазинчике не было сигнализации.

Рон поднимает продолговатую хромированную урну с сигаретным пеплом и окурками внутри, поднимает её на уровень плеч и бежит к стеклянной витрине. От первого же удара урна пружинит, отскакивает обратно на засыпанный снегом тротуар, а стекло остаётся целым и нетронутым.

Рон снова поднимает урну и снова ударят по стеклу, и на этот раз по нему идёт паутинка трещинок, которая постепенно распространяется на всю высоченную витрину. Тогда Рон отходит назад и швыряет девятикилограммовую урну в потрескавшееся стекло.

Она пробивает витрину, и стекло рассыпается мелкими осколками.

Рон и Джессика стоят секунд десять с закрытыми глазами и ждут.

Наконец, она говорит:

— Сигнализации нет.

— Или она отключена из-за отсутствия электричества.

-19-

Они пролазят через витрину магазина и идут мимо кассы. В дальнем углу Рон замечает тёмные фигуры, и у него застывает кровь в жилах и перехватывает дыхание.

— Что такое? — спрашивает Джессика.

— Ничего.

«Просто три манекена в рыболовных костюмах».

Они проходят мимо прилавка с оборудованием для скалолазания и ледорубами. У дальней стены с потолка свисают спальные мешки в окружении рюкзаков с внешней и внутренней рамой.

Они проходят через заднюю дверь в узкий, мрачный коридор. Джессика пробует открыть дверь в ванную комнату, но та не поддаётся.

— Чёрт.

— Тебе нужно в туалет, милая?

— Ага.

— Можешь присесть прямо перед кассой.

— Рон, ты прям как ребёнок.

Они возвращаются обратно в магазин.

— Вот оно, — говорит Рон.

— Где?

В темноте почти невозможно рассмотреть, но в середине комнаты, между стеллажами со слишком дорогими рубашками с эмблемой Патагонии и пуховиками с надписями «Колумбия» развёрнута демонстрационная поляна: у костра кругом сидят манекены в сандалиях и майках, готовят еду на походной газовой плите, а за их спинами поставлена двухместная палатка.

Рон и Джессика расшнуровывают обувь, вылазят из мокрых пуховиков и штанов и забираются в палатку, где ложатся в спальные мешки. Пару минут они колотятся от холода, а потом Рон начинает замечать признаки согревания: ползание мурашек по конечностям и горящие огнём обветренные и обмороженные щёки.

— Согреваешься? — спрашивает он.

— Потихоньку.

Он подтягивается в своём мешке ближе к Джессике, пока не ощущает её тёплое дыхание на своей щеке.

— Болит?

— Хватит спрашивать.

— Прости, я врач, у меня это вошло в…

— Ты пластический хирург.

— Ну, да…

— Слушай, я не это хотела сказать. Это всё из-за боли.

— Просто давай думать, что, спустя долгие годы, мы будем вспоминать эти события и…

— Ты издеваешься?

Они лежат в темноте, прислушиваются к глухому завыванию ветра, проносящегося сквозь развитую стеклянную витрину.

Наконец, Джессика садится и говорит:

— Не могу заснуть. Рон, я очень хочу пить. Из-за того вина и этих долгих блужданий… У меня явно обезвоживание.

— Ладно, видела котелок, что стоит у того искусственного костра?

— Да.

— Возьми его, выйди на улицу и набери снега. И плотно утрамбуй его. Я пока посмотрю, смогу ли разжечь ту походную плиту.

-20-

До того, как Рон стал пластическим хирургом тринадцать лет назад, он был заядлым туристом. Проводил бесчисленные выходные в Каскадных горах[6] и даже во время учёбы в медицинском умудрялся выкраивать каждый месяц по неделе для похода в горы.

Пока Рон стоял в темноте у фальшивого костра и пытался разобраться с газовой походной плиткой, он осознал, сколько всего изменилось за прошедшее десятилетие. Ему потребовалось минут пять, чтобы выяснить, куда крепить красный баллон с газом.

Он прикручивает баллон и слышит, как Джессика залазит обратно через разбитую витрину и проталкивается мимо вешалок с одеждой.

— Как дела? — спрашивает она.

Он зажигает спичку и подносит её к горелке.

Плита загорается.

Когда огонь начинает угасать, пожрав малую толику пропана, Рон открывает вентиль газа на баллоне, и ленивое рыжее пламя превращается в глухо ревущее синее.

— Ставь сюда.

Она ставит котелок на плитку.

— Надо взять три бутылки из-под воды — я видел их у рюкзаков — и наполнить водой. Чтобы заполнить этот котелок, нам понадобится много снега.

Пока Джессика идёт за следующей порцией снега, Рон садится рядом с одним из манекенов и следит за плитой, регулируя огонь и помешивая пластиковой ложечкой снег.

Понадобилось чуть больше времени, чем Рон рассчитывал, но вскоре у него получается пол котелка растопленного снега. Он сливает его в бутылку, которая раньше принадлежала милому белокурому манекену в обтягивающей розовой спортивной майке.

— Джесс, ты ещё долго? — кричит он.

Проходит минута.

Он натягивает куртку и мокрые, промёрзшие ботинки. Он выключает плитку, поднимается и идёт к входу в магазин мимо кассового аппарата к разбитой витрине.

В разбитое стекло залетает порывами ветер.

Рон выходит на тротуар.

— Если ты здесь, Джесс, я с тобой разведусь к чёртовой матери, потому что это абсолютно не смешно…

Никакого ответа. Лишь тихое шуршание падающих на его куртку снежинок.

Рон видит три бутылки из-под воды, лежащие в снегу, и замечает несколько дорожек следов, ведущих к тротуару.

В шести метрах впереди всё скрывает тьма и снег.

Наручные часы сигналят полночь. На мгновение Рона накрывает ужас, такой сильный, что мужчину вот-вот вырвет, но он заталкивает это давно не возвращавшееся ощущение в забытый уголок разума. Последний раз оно посещало его в годы учёбы на медицинском — тогда он часто просыпался по ночам в холодном поту, убеждённый, что у него не хватит способностей удержать равновесие в горах.

-21-

В морозной, снежной тишине Рон идёт по тротуару. Щёки снова начинают гореть. В правой руке мужчина сжимает пугающего вида ледоруб с всё ещё болтающейся на лезвии этикете с ценой.

Он не раз спал на природе в пустынном Национальном парке Каньонлэндс или у подножия Денали. Осенние ночи на Аляске были тихими (когда, наконец, замолкают москиты), и ему не раз казалось, что он слышит далёкое жужжание звёзд, похожее на работающую турбину.

Но сейчас, когда он идёт по пустым улицам Лон Кона зимней ночью, тишина совершенно другая — скорее, не отсутствие вокруг признаков жизни, а скрывание за маской, и в ней нет ни крупицы мира и спокойствия.

Он идёт по третьей улице, его ноги болят, а брюки цвета хаки промокли насквозь от снега.

Он начинает жалеть, что не переоделся в магазинчике со снаряжением в новую, сухую одежду.

Но теперь уже поздно возвращаться.

Рон огибает кирпичное здание конца девятнадцатого века и заворачивает в узкий проулок. Пройдя метров шесть, он упирается в двойные двери без ручек. Там и обрываются четыре пары следов.

Он начинает колотить кулаками в двери и кричать:

— Джессика! Ты меня слышишь?

Если и слышит, то не отвечает.

Рон осматривается, замечает засыпанные снегом мусорные контейнеры, тянущиеся над головой и прогибающиеся под тяжестью снега на десяток сантиметров линии электропередач, слышит, как в нескольких кварталах от него скрипит и стучит о косяк дверь.

Ему кажется, что сейчас он сойдёт с ума. Рон садится напротив здания, опускает голову между коленей и впервые за долгие, долгие годы молится.

-22-

Он заворачивает за угол Мэйн-стрит и третьей улицы в поисках чего угодно, способного проломить дверь, за которой скрывается его жена, и останавливается, заметив впереди свет. Рон уверен, что его там прежде не было — этого мягкого свечения через окна здания, к стене которого прислонено не менее пятидесяти пар лыж.

Рон подбирается ближе. Сверху на здании изящными красными буквами написано «Рэндольф-Опера», а прямо под названием — афиша: «22 декабря — Зимнее жертвоприношение».

Сквозь окна рядом с дверями Рон видит пустой вестибюль, освещённый пламенем свечей в подсвечниках.

Двери не заперты, и Рон заходит внутрь, ступает на красную ковровую дорожку, всю в мокрых пятнах от нападавшего с ботинок и растаявшего снега. Он видит пустой буфет, гардероб; стены увешаны афишами сценических постановок и автографами знаменитостей, игравших в этих стенах многие годы.

Он проходит через вестибюль в тёмный коридор с запертыми дверями, ведущими в отдельные помещения театра, и быстрым шагом направляется в арку по правую руку. Там начинается лестница, по скрипящим ступеням которой, он поднимается на второй этаж.

-23-

На балконе немноголюдно.

Рон садится на сидение в первом ряду и сморит через перила. Помещение освещают триста свечей, а в партере сидят, как показалось Рону, все жители Лон Кона. Все они одеты экстравагантно и необычно, будто пришли на карнавал или маскарад — огромные головные уборы, под которым в тусклом свете свечей виден лишь профиль, никаких деталей внешности.

В помещении витает запах виски, пива и марихуаны, и дым от последней висит над партером, как туман в долине.

На сцене посажены настоящие ели, а за ними — нарисованный фон из гор, которые окружают Лон Кон и зимой, и летом. А в центре сцены стоит довольно странный предмет — золотистый медведь в натуральную величину, отлитый из бронзы. Он стоит на задних лапах в металлической нише посреди сцены, и мимо него тянется толпа людей, подкладывающих в яму перед медведем дрова, а затем возвращающихся на свои места.

Так продолжается какое-то время, и затем на сцену с левой стороны выходит трио музыкантов с гитарой, скрипкой и мандолиной и оживляет зал музыкой в стиле кантри.

Все занимают свои места, и музыканты уходят, а с первого ряда поднимает высокий мужчина и выходит на сцену. Он сжимает в руке длинную свечу и одет как испанский конкистадор. Но даже через шлем, который должен был скрыть личность мужчины, Рон узнаёт шерифа, который пару часов назад вышвырнул их из гостиницы Лон Кона.

Конкистадор вскидывает руки и кричит:

— Выходите!

Справа за сценой откидывается красный занавес, и появляются две фигуры, одетые полностью в белое и с наброшенными на лицо капюшонами. Они держат за руки Джессику Шталь, и при виде неё толпа ревёт, а Рон ощущает приступ тошноты. Но потом он замечает, что его жена улыбается. Может, это какой-то странный розыгрыш?

Они подводят Джессику к золотому медведю со спины, спускаются в яму; один из мужчин поднимает люк в задней части животного, а второй что-то шепчет на ухо Джессики. Она кивает и снимает белую маску с чего-то, похожего на цистерну.

Джессика подносит маску к лицу, но замирает. Толпа ликует, и она машет зрителям и посылает воздушные поцелуи. Люди аплодируют, свистят всё громче и бросают на сцену из первых рядов розы на длинных стеблях.

Джессика забирается внутрь огромного медведя, и один из мужчин в белом закрывает за ней люк, и они оба возвращаются туда, откуда появились, исчезая за занавесом.

Шериф-конкистадор снова воздевает руки к потолку.

Зрители замолкают.

Он поворачивается, подходит к золотому медведю и ныряет в яму.

Спустя пару секунд он выбирается обратно на сцену, идёт к левой части сцены, хватает толстую верёвку и дёргает за неё.

В потолке раскрывается люк, и на золотого медведя начинают опускаться снежинки.

— Свет!

По театру проносится всеобщий вздох, свечи гаснут, и помещение окунается во тьму.

Рон перегибается через перила, пытаясь рассмотреть что-нибудь в темноте. Ещё мгновение назад он чувствовал мимолётный укол облегчения, думая, что за всей этой странной, жуткой ночью стоит какая-то логическая причина, но сейчас его снова охватил страх.

В помещении стоит полная тишина; не слышно ничего, кроме случайного шепотка из партера.

Сначала Рон принял их за светлячков — пылинки поднимающегося вверх со сцены света, но шипение кипящей жидкости и запах горящей древесины дали ему понять, что он ошибается.

Из темноты появляется фигура золотистого медведя, но она больше не золотистая, а насыщенного красного оттенка плавящейся, нагретой бронзы. И чем сильнее разгорается огонь под зверем, тем ярче он сияет.

— О, Боже, — шепчет Рон.

Медведь ревёт высоким, пронзительным голосом Джессики, изменённым до неузнаваемости системой труб, выходящих справа от головы животного и напоминающих жуткую опухоль. Слова и крики смешиваются воедино, но трубы и терзающая женщину боль превращают их в неразбериху. Бронза грохочет, как огромный кимвал [7], когда Джессика отчаянно пытается выбраться из брюха зверя. Её кровь вытекает из дыр в ногах медведя, шипит и пузырится на сцене.

Кто-то в толпе кричит:

— Ещё год изобилия!

— Никаких лавин!

— Никаких бедствий!

— Больше туристов!

Внизу все хлопают, пьяные и обкуренные голоса выкрикивают тосты в каждом уголке помещения, стараясь, чтобы их расслышали за доносящимися со сцены криками боли. От золотого медведя идёт пар, когда на его сверкающую поверхность опускаются и сразу тают снежинки.

Где-то за спиной Рона всхлипывает женщина, но ей быстро прерывает мужской голос:

— Заткнись на хрен!

Рон вскакивает с кресла и вываливается обратно в коридор. Там его рвёт снова и снова. Он спускается по лестнице, не желая принимать, что этот тошнотворно-сладкий запах, смешивающийся с запахом костра — это запах его жены, жарящейся внутри золотого медведя.

Он стоит посреди театра и с внезапной ясностью осознаёт, что люди отворачиваются от сцены и смотрят на незнакомого приезжего в забрызганной рвотой куртке так, словно он разрушил их свадьбу.

Крики внутри медведя становятся резче, но голос постепенно затихает, уносится прочь.

Рон видит, как двое палачей в белых масках и капюшонах выбегают из-за занавеса на сцену и бросаются к выходу в коридор.

И что-то внутри Рона кричит:

— Беги!

-24-

Рон выскакивает из дверей «Рэндольф-Оперы», вываливается наружу, бежит по тротуару на север из города, поднимая за собой облака снега.

Он пробегает три квартала и оборачивается: люди высыпали из театра, и некоторые уже надевают лыжи, освещая себе дорогу фонарями.

Рон сворачивает на Седьмую улицу и бежит изо всех сил. Он не может думать ни о чём, кроме горящих от нехватки кислорода лёгких. Он пробегает мимо магазина сладостей, закрытой гостиницы, и тут улица уходит вниз под откос, и он выбегает на ровную широкую низину, которая может быть только замёрзшим прудом.

Сзади раздаётся свист. На Рона несётся обнажённая по пояс девушка лет двадцати с небольшим, одетая, как некая богиня викингов, вплоть до рогатого шлема на голове. Её светлые волосы разметались по плечам; она скользит к Рону на лыжах и ускоряется, когда дорога идёт на спуск. До Рона ей оставалось не больше пяти секунд.

Рон зарывается каблуками в снег, разворачивается и становится в стойку. До лыжницы остаётся три метра.

Рона размахивается, зазубренное лезвие пробивает насквозь шею девушки, и мужчину на секунду ослепляет тёплое облако кровавых брызг от пробившего артерию ледоруба. Он пытается ухватить прорезиненную рукоятку ледоруба и вытащить его, но из-за крови она стала скользкой, и Богиня викингов продолжила скользить дальше по улице на лыжах, стараясь сама выдернуть лезвие.

Рон стирает кровь с лица. В пятидесяти метрах от него, вверх по улице, он замечает, как огромная толпа людей заворачивает на пересечении Мейн-стрит и Седьмой в его сторону. Там было человек тридцать-сорок, они кричат, визжат, смеются, хохочут, как хорошо выпившая компания, теряющая связь с реальностью.

Рон подбегает к упавшей в снег лыжнице, упирается ногой ей в голову для устойчивости и выдёргивает ледоруб из горла.

И он снова бежит, падает, поднимает на ноги, врывается во двор какого-то частного дома. Через окно на него лает собака. Рон понимает, что если не найдёт никакого способа сбросить со следа погоню, то надежды у него почти нет.

Перед ним из темноты появляются несколько фигур, человек десять, разговаривающих тонкими голосками — группка детей, шагающих в его направлении по снегу.

Рон оглядывается назад: из-за снежной пурги преследователей не видно, но он слышит, как они его зовут.

В шести метрах впереди, на берегу замёрзшего пруда, он замечает остатки недавнего детского сражения: в снег воткнуты прутики с самодельными флагами (звёздно-полосатый против Весёлого Роджера). А напротив каждого высились снежные крепости, но в снегопаде Рон мог рассмотреть лишь их контуры.

-25-

Рон пробирается через ров из утрамбованного снега. Руки готовы отвалиться от холода, но он пытается не трястись от страха, когда слышит приближающиеся шаги.

— Мне холодно.

— Заткнись, киска. Если мы его найдём, то узнаешь, каким классным Рождество может…

— Я тебе не киска.

— Ладно, будешь сучкой. Эй, стой! Смотри!

— Это наши.

— Эй, кто там? — кричит мужской голос.

— Это мы!

— Кто «мы»?

— Крис, Нил, Мэтт, Джейкоб…

— Пацаны, вы что тут забыли?

— Мы помогаем.

— Нет, вы, мать вашу, затаптываете следы! Чёрт!

— Что такое, Дэйв?

Слышны ещё шаги.

Рон пробирается чуть дальше по рву. Его волосы, ресницы, брови уже давно заиндевели, но он был слишком напуган, чтобы замечать холод.

Ров ведёт в небольшую пещеру из утрамбованных пластов снега. Голоса становятся приглушённее.

Рон поднимается на колени, дрожа всем телом. Когда-то в этой пещере было смотровое окошко, но сейчас всё было засыпано свежим снегом. Рон протягивает руку, и мягкий снег моментально рассыпается под его пальцами.

Голоса снова становятся отчётливо слышны. Рон пригибается к земле.

— …если не согласуем действия, то упустим его на хрен.

— Эй, брат, следи за языком. Тут дети.

— Ты понимаешь, что произойдёт, если…

Их прерывает женский голос:

— Ты хоть попытайся включить мозги, Дэйв.

— Ты о чём?

— Какова для него сейчас первоочередная задача?

— Не знаю… Выбраться из города?

— Как? В такой пурге? С поджаренной машиной? Нет, ему надо убраться подальше от этой ужасной погоды, иначе он замёрзнет насмерть.

Голоса начинают стихать. Рон поднимает голову, выглядывает в окошко и видит, что вся толпа направляется прочь к замёрзшему пруду.

Через окно проходит немного света. Рон валится на пол снежной пещеры и прислушивается к любым признакам того, что его обнаружили.

Спустя некоторое время голоса исчезают полностью. Мужчина снова выглядывает в окно.

Толпа превратилась в далёкое-далёкое мерцание света фонарей, едва заметных через стену снега.

Рон растирает голые, покрытые волдырями ступни, чтобы улучшить циркуляцию крови. Так холодно ему ещё не было никогда в жизни, но он уверен, что не замёрзнет насмерть. В этой маленькой снежной крепости довольно тепло.

Сколько же он здесь сидит? Тридцать минут? Сорок пять? Большую часть времени он пытается уверить себя, что всё это не может происходить на самом деле.

У него и раньше были ночные кошмары — автокатастрофы, смерти друзей и близких, преследование бандой головорезов на парковке, заключение в тюрьму за убийство, которого он не совершал. Но он всегда просыпался, и страх уходил.

Даже сейчас, сидя и растирая замёрзшие, холодные ноги, Рон свято уверен, что проснётся с минуты на минуту в отеле на окраине Флагстаффа[8], где они с Джессикой ночевали чуть более суток назад.

Это была их первая ночёвка. Они поужинали в пиццерии рядом с университетом, затем отправились прямиком в отель, занимались любовью, и уставшие, порядком выпившие, предвкушали следующую остановку в горах Колорадо. Наконец, они смогли выбраться в отпуск!

Рон говорит себе — и верит этому — что он до сих пор в том отеле. Что он не сидит в ледяной пещерке, а ворочается на простынях. Джессика, скорей всего, пинает его под одеялом, сонным и таким сексуальным голосом бурча, чтобы он перестал ворочаться, либо тащил свою неугомонную задницу на диван.

-27-

Рон вдыхает запах гостиничного постельного белья и сухого из-за центрального отопления воздуха, кутаясь в мягкое одеяло. Он отбрасывает руку в сторону и чувствует рядом с собой тело спящей жены. Её голая спина поднимается и опускается под его рукой.

Позже они завтракают заварными пирожными с кремом.

Попадающий через окно солнечный свет ослепляет, бьёт по глазам, и даже жёсткие пряди волос Джессики выглядят раскалившимися добела.

— Мне ночью снился худший сон в моей жизни, — говорит Рон.

— Расскажи мне.

Он на минуту задумывается и отвечает:

— Я забыл.

— Здесь зябко, — Джессика потирает руки, и Рон замечает облачко пара, вырвавшегося из её рта. Он тоже начинает замерзать. Мужчина тянется за пирожным: оно и выглядит, как пирожное, пропеченное по краям до золотистой корочки, но, когда Рон дотрагивается до него, оно рассыпается в его пальцах, как снег, и морозит руку.

— Вот чёрт, — говорит он.

— Что случилось, милый?

— Ничего. Всё… всё в порядке.

— Как хорошо, что мы выбрались в отпуск, — говорит Джессика, но затем превращается в Богиню викингов. Из её горла торчит ледоруб, из шеи во все стороны брызжет кровь, издавая звук, наподобие поливочной машинки на лужайке.

Рон пытается подняться, думая, что если он сейчас выйдет на чистый утренний свет и залезет в «Мерседес», Джессика будет уже там. Он может сделать это настоящим.

— Мы выберемся отсюда, — говорит он, но свет из окна вдруг тускнеет, и темнота накрывает его так быстро, что он больше не может рассмотреть ничего по другую сторону стола. Он снова оказывается в ледяной пещере, привалившийся спиной к стене, в таком отчаянии, что почти не сомневается, что попал в ад. Он вспоминает, как в колледже читал «Божественную комедию» Данте (словно его подсознание специально вытащило на поверхность самое жуткое воспоминание, чтобы его добить). И что самый внутренний круг ада, девятый, был сотворён изо льда.

-28-

Рон медленно поднимается изо рва.

Снегопад прекратился. Иссиня-чёрное небо было усыпано звёздами.

Ему кажется, что он слышит голоса вдалеке, но повернувшись медленно вокруг своей оси, он не видит ничего, кроме тёмных домов и поднимающегося из труб дыма.

-29-

Снега насыпало по колено.

Он пробирается через него, держась западной части города, где на границе протекал, а теперь замёрз ручей. Он пробегает мимо домов, с опаской всматриваясь в их тёмные окна. Ручей приводит его снова к Мэйн-стрит, ведущей к северной части города. Прошло всего минут десять с тех пор, как Рон выбрался из снежной крепости. Он пробегает мимо городского парка и выгоревшего «Мерседеса». Остов внедорожника уже давно остыл, и теперь на нём лежал сантиметровый слой снега.

-30-

«Дорога закрыта из-за опасных условий движения», — гласит знак.

Рон забрасывает ноги, пытаясь перебраться через жёлтый забор.

Он падает в снег с обратной стороны ворот, встаёт, отряхивается, насколько позволяют замёрзшие, негнущиеся пальцы, уже переходящие от стадии боли от отморожения к благословенной нечувствительности.

Несмотря на усталость, Рон как можно быстрее уходит прочь. Небо на востоке начинает светлеть неровными зубцами, обретая тёплый, лавандовый оттенок и прогоняя с небосклона звёзды.

Он бредёт в предрассветной тиши, плачет и думает о том, что Джесс мертва.

Проходит ещё один знак: «Аспен 37 км».

Дорога поднимается вверх, и он останавливается, пытаясь отдышаться после часовой ходьбы. Рон оборачивается и видит внизу, в 150 километрах раскинувшийся в низине город.

Он резко вдыхает морозный воздух. Ели на левой стороне дороги согнулись под тяжестью снега. Горные склоны за правым плечом Рона скрываются за острыми пиками и густым лесом, а метрах в трёхстах внизу видна замёрзшая река.

Он слышит грохот вдалеке.

Судя по разнёсшемуся эхом звуку, с горы спускалась машина, по четырём мерцающим огням Рон видит, что они направляются из Лон Кона.

В тихом, морозном воздухе он изучает звук их моторов, скорость, с которой они движутся по пустому шоссе.

Снегоходы.

Он начинает бежать, но через десять шагов останавливается и смотрит на шоссе за своей спиной: там ясно видна узкая дорожка его следов из Лон Кона. Впереди дорога делает резкий поворот налево у подножья горы.

Ничего не остаётся — только бежать. Моментальный всплеск адреналина компенсирует недостаток кислорода в лёгких.

Рёв двигателей напоминает рой гигантских пчёл, летящих за Роном, но, когда он заворачивает по дороге налево, оставляя между собой и преследователями горы, вой снегоходов затихает.

Он бросает взгляд через плечо, пытаясь…

Звук охотничьего рога.

Он разворачивается и видит огромный оранжевый грузовик в трёх метрах, и он приближается.

Он ныряет в сугроб слева от дороги, и зарывается под тридцатью килограммами снега.

Над его головой проносится плуг, и лезвие срезает верхний слой снега на обочине.

-31-

Рон лежит на спине, задыхаясь в темноте, цепляясь за снег, на грани потери сознания. Он пробивает рукой отверстие наружу, и вдыхает, наконец, свежий воздух. А потом слышит шум двигателей и голоса поблизости.

Он прижимает руку обратно к груди. Интересно, его заметили? Над Роном лежит толстый слой снега, но в центре белеет отверстие, через которое он рассматривает кусочек предрассветного неба и нависшие лапы елей.

В его поле зрения попадают две фигуры в шлемах, и Рон молит бога, чтобы ему не пришлось драться, потому что он уже не чувствует пальцев, сжимающих рукоять ледоруба.

Двое мужчин несколько минут осматривают склон горы.

Один из них пожимает плечами.

Они отходят обратно к дороге, и Рон их больше не видит.

Он слышит, как они разговаривают, но не может разобрать ни единого слова.

А спустя некоторое время снегоходы разворачиваются и уезжают прочь.

-32-

К середине утра Рон прошёл почти пять километров. По укатанному шоссе идти должно было быть легче, но ноги Рона так болели, что этот положительный момент можно было не принимать в расчёт. От боли было сложно сосредоточиться, и иногда он забывал прислушиваться к далёкому, похожему на жужжание звуку снегоходов.

-33-

В одиннадцать часов он доползает до главной дороги. Тёплый от солнца асфальт приятно греет отёкшие, промёрзшие кисти цвета спелой сливы.

-34-

Рон поднимает голову. Окружающий его снег переливается на полуденном солнце, как бриллианты, и он не видит ничего, кроме пронзительного блеска.

Возможно, у него начинаются галлюцинации, но он чувствует полную уверенность, что к нему что-то приближается. Он не знает ни направление, ни размер едущего транспорта, но в ту секунду осознаёт, что часть него (в тот момент — подавляющую часть) уже не заботит, что его могут найти.

В следующий раз, когда ему удаётся поднять голову, он видит перед собой радиаторную решётку «Доджа», слышит звук открываемой двери и рассматривает потёртые ковбойские сапоги, ступающие на асфальт.

-35-

Они проезжают мимо елей, и свет и темнота меняются местами так часто, что Рону кажется, будто его преследуют постоянные, приводящие в замешательство вспышки.

Рон поднимает прижатую к стеклу голову и смотрит через салон на седого водителя. Длинные, серые волосы; белая, как выскобленный череп, борода; солнцезащитные очки; а под волосами — измождённое лицо, настолько худое, что коже просто обтягивала кости.

Он бросает взгляд на Рона и снова отворачивается к дороге.

— Куда мы едем? — шепчет Рон.

— Чего?

— Куда мы едем?

— Сынок, ты чего лежал посреди дороги?

Рон чувствует себя очень странно: усталость такая, какую он не ощущал за все три марафона, которые бежал лет в двадцать, вместе взятые.

Он хочет ответить мужчине, но жутко кружится голова. Он боится, что может сказать что-то не то. Хотя, что тут можно сказать не то?! Поэтому он просто повторяет вопрос:

— Куда мы едем?

— Пошлой ночью был в Лон Коне?

Рон выпрямляется и пытается застегнуть ремень безопасности.

— Да. С женой.

— И где она?

Рон моргает сквозь слёзы, которые тотчас полились из глаз.

— Ты ничего не говоришь, — произносит старик, — но и твоего молчания достаточно.

И дальше они едут в тишине.

Следующий знак: «Аспен 16 км».

— Я жил в Лон Коне, — говорит старик. — Красивое место. Переехал лет пятнадцать назад. Не смог вынести очередного дня зимнего солнцестояния. Я не говорю, правильно это или нет, и должен ли оставаться вообще такой городок, но для меня… Я

больше так не мог. Каждый год. И отказаться от этого можно только всем жителям вместе. Возможно, так однажды и случится. Господи, я скучаю по этому городку.

-36-

Грузовик останавливается перед входом в приёмное отделение больницы Аспена, и старик заезжает на парковку.

— Я не могу с тобой туда пойти, — говорит он.

Рон протягивает руку, отщёлкивает ремень безопасности и берётся за ручку.

— Подожди минутку, сынок, — Рон сморит, как старик снимает тёмные очки и смотрит на Рона: один его глаз желтушный, с густой сетью красных сосудов, а второй — идеально белый и чуть больше первого. Стеклянный. — Не часто кому-то удаётся оттуда улизнуть.

— Я бросил её.

— Ты ничего не мог поделать, поэтому постарайся забыть об этом. Но вот что я хочу тебе сказать: двадцать лет назад оттуда сбежала женщина. Она отправилась в полицию Аспена, рассказала им всё, что с ними произошло, как жители пытали и убили её мужа. И знаешь, что случилось?

Старик ткнул длинным, грязным пальцем в плечо Рона.

— Она умерла в тюрьме четыре года назад. Её обвинили в накачивании наркотиками мужа и поджигании его в собственной машине во время отпуска в мирном городке Лон Кон. Ты не можешь пойти против целого города, сынок. Слышишь, что я говорю? Они уже ждут, что ты явишься к ним с правоохранительными органами и станешь выдвигать безумные обвинения. Не делай этого. Не возвращайся туда. Ты зайдёшь в эту больницу и скажешь, что вы с женой потерялись в горах, и только тебе удалось выбраться.

— Я так не могу.

— У тебя нет другого выбора.

Рон открывает дверь и вылазит из огромного грузовика.

Когда он поворачивается, чтобы закрыть дверь, старик перегибается через сиденье и сам её захлопывает.

Шипованные шины грузовика пронзительно взвизгивают, и он с рёвом уезжает со стоянки больницы.

-37-

Рон снова стоит на углу Мэйн-стрит и Третьей улицы.

Он сжимает руку жены и говорит:

— Я зайду сюда на минутку.

— А я пока схожу в ту кофейню. Зайдёшь потом за мной?

Как хорошо скрыться от августовской жары в прохладном театре! Если верить дощечке рядом с входными дверями, этому зданию уже сто пятьдесят два года. Рон проходит вестибюль, минует арку и на ватных ногах поднимается два пролёта по лестнице.

Он сомневается, что занял то же самое место, что и той жуткой ночью, но вид с балкона открывается точно такой же, как и в кошмарах, что до сих пор терзают его по ночам. Внизу из-под балкона появляется уборщик и толкает перед собой ведро со шваброй по центральному проходу.

-38-

— Простите, сэр?

Уборщик поднимает глаза от ведра.

— Вам нельзя здесь находиться, — говорит он.

— Двери были не заперты.

Когда Рон подходит к сцене, взгляд уборщика падает на то, что осталось от левой руки Рона — всё, кроме большого пальца, пришлось удалить из-за обморожения.

Рон отмечает, что уборщик — низенький и жилистый мужчина лет семидесяти.

— Сколько вы уже тут живёте, сэр? — спрашивает он.

— В следующем месяце будет сорок пять лет.

— Да ну!

— Слушайте, мне нужно закончить работу.

— Я могу попросить вас об одной маленькой услуге?

— Какой?

У Рона бешено колотится сердце под гавайской рубашкой, а во рту пересохло.

— Я хочу увидеть золотого медведя.

— О чём вы, чёрт побери…?

— Бронзовый медведь, которого вы выносите в каждое зимнее солнцестояние.

Уборщик улыбается, качает головой и опирается о швабру:

— Так вы один из тех людей, да?

— Каких людей?

— Раз или два в год находится какой-нибудь чудак, который приезжает и спрашивает о праздновании зимнего солнцестояния, а этот городок…

— Я не спрашиваю о нём, и я не чудак. Я был здесь, сэр. Двадцать девять лет назад. Двадцать второго декабря в 12:04 пополуночи.

— Вы, наверно, оши…

— Я смотрел с балкона, как вы поджариваете мою жену внутри огромного медведя.

На мгновение в здании стало так тихо, что Рон слышал шум проезжающих снаружи по Мэйн-стрит машин. Уборщик смотрел на Рона со смесью ужаса и гнева.

— Я пришёл сюда не для того, чтобы навредить кому-то… — начал Рон.

— Я вам уже сказал. Я не понимаю, о чём вы говорите.

— Я думаю, вы…

— И мне нужно работать.

Уборщик разворачивается к Рону спиной и толкает ведро к правому проходу, где во снах Рона всегда стоят в линию палачи в белых масках.

-39-

Он медленно бредёт по тротуару через толпы туристов, и, пройдя всего полквартала, обливается потом.

Водопад уже высох. Небо, такое чистое и голубое в те далёкие годы, когда они с Джессикой впервые сюда приехали, теперь было бледным и грязно-серым. Мэйн-стрит была такой же, только вместо двух полос движения теперь тут появились четыре, чтобы вместить все автомобили. На каждом перекрёстке стояли светофоры и автоматические регулируемые пешеходные переходы. Часть старых зданий снесли, но большинство из них остались стоять, загороженные пяти- и шестиэтажными многоквартирными домами.

Знак «Добро пожаловать в Лон Кон» мог похвастаться почти девятитысячным населением.

Рон бросает взгляд на склоны за городом, где тоже разрослись многоэтажные дома и постройки.

А над всем этим, на искусственно созданном плато, стоит гигантский торговый центр, и за ним возвышаются необъятные серые бесснежные пики под свирепым летним солнцем.

-40-

Рон ждёт двадцать минут, пока ему приготовят крепкий чёрный кофе, и присоединяется к свей жене, сидящей за столиком у окна.

— Как твой латте? — спрашивает он.

— Восхитителен.

Музыка в стиле кантри тихо сочится через колонки в потолке, как медленная внутривенная инъекция.

— Может, переночуем здесь, Рон? Здесь так красиво…

— Мне бы не хотелось.

Он тянется через стол и сжимает его ладонь.

— Когда уедем отсюда, не хочешь показать мне, где вы упали с горы? Может, остановимся у трассы и произнесём для Джессики несколько слов?

— Да, так и сделаем.

— Ты жалеешь, что приехал сюда.

— Нет, это не так. Я всегда знал, что должен это сделать.

— Наверно, ты чувствуешь себя странно после всего этого…

Стук в окно заставляет их вздрогнуть. На тротуаре стоит уборщик и не сводит с них глаз.

-41-

Рон и уборщик сидят на скамейке в конце Седьмой улицы на берегу грязного пруда, по поверхности которого плавает одна-единственная облезлая утка.

— Мы думали, вы вернётесь, — говорит уборщик. — Сразу же. Вы благоразумно поступили, что не приехали тогда обратно.

— Город изменился, — говорит Рон.

— До неузнаваемости.

— В Лон Коне всё ещё практикуют…

— Господи, нет, конечно. Люди стали мягче. Больше не могут это выносить. И перестали верить в приносимую таким ритуалом пользу.

— Пользу?

— Вы когда-нибудь слышали о снежных лавинах?

Рон качает головой, отмахиваясь от роя мух, облюбовавших его потный лысый череп.

— Во вторую зиму после того, как мы прекратили проводить ритуал, пришёл жуткий буран. Вот там сошла лавина, — уборщик ткнул пальцем на голую полосу на близлежащем горном склоне. На этой полосе не было деревьев, и спускалась она прямиком к городку. — Лавина разрушила пятьдесят домов и убила сто тридцать одного нашего. Я до сих пор слышу, как они кричат из-под снега.

— Некоторые сказали бы, что это божественная кара.

— Той ночью я потерял жену и двоих сыновей. После этого почти все уехали. Продали свои земли застройщикам. И тогда начали подниматься новые дома. Сети магазинов. Техасские и калифорнийские.

Он с отвращением обводит шумный городок с подсвеченными улицами и зданиями.

— И, в конце концов, стал таким. Я постоянно говорю, что однажды уеду отсюда. Понимаете, для меня тут совсем ничего не осталось. Это больше не мой городок.

— Зачем вы мне всё это рассказываете?

— Потому что вы, по крайней мере, помните его в те времена, когда он был частичкой рая. Он был прекрасен. Я почти вижу в вас родственную душу.

— Мне пришлось бросить медицинскую практику, — говорит Рон. — Я потерял всё, для чего работал. И долгие годы меня бесило.

— Жаль это слышать.

— Но потом я встретил красивую женщину. И у нас родилось трое красивых детей.

— Рад это слышать.

Рон поднимается на ноги с глухим стоном.

— Моя жена ждёт меня в кофейне.

— Мы не были монстрами…

— Я лучше вернусь к жене.

Рон начинает пробираться в сутолоке на Мэйн-стрит.

— Он канул в лету, — говорит уборщик. Рон останавливается и поворачивается к сутулому, печальному старику на скамье.

— Кто «он»?

— Старый уклад.

— У старого уклада была тёмная сторона.

Рон разворачивается обратно и шагает по сожжённой под солнцем траве. Он пытается вспомнить, какими были эти горы без теперешнего стекла и стали вокруг.

— Как и у всех нас, мистер Шталь, — кричит ему вслед уборщик, — но к чему теперь это вспоминать.

-42-

Теперь мы расселились по всей стране. Старые, умирающие или уже умершие. Мы почти приспособились к нелепости повседневной жизни первого десятилетия двадцать первого века.

Хотя иногда мы подолгу вспоминаем прошлое.

Ради хроник.

Ради наших собратьев.

Ради наших детей, которые приводят своих детей навестить нас в домах престарелых.

Мы живём так, как должны — в затихающей славной медлительности жизни с её неизменными процессами: удовольствие от пищи, посаженной и выращенной прямо у тебя за порогом дома.

Порядочность.

Общность.

Уважение к старым традициям.

Мы рассказываем всем, кто слушает, но, в основном, напоминаем самим себе, что некогда жили в прекрасном маленьком городке в прекрасной маленькой долине, где жизнь была яркой, насыщенной и медленной.

И однажды кто-то спросит нас: «Почему нельзя вернуть всё, как было?»

И мы им ответим: «Жертвы».

«Больше никаких жертв».

И они кивнут нам с пониманием, тем особым снисходительным кивком, которым стариков одаривает молодёжь, понятия не имеющая, что мы имеем на самом деле в виду.

Примечания

1

Игра слов: chai — чай, а shy — стесняться; и espresso — сорт кофе эспрессо, а express — выражать.

2

Мерседес-Бенц.

3

Джон Калвин Кулидж-младший — 30-й президент США (1923–1929) от Республиканской партии США.

4

Обезболивающий препарат, комбинация наркотического и ненаркотического анальгетиков.

5

Фешенебельная многоэтажная гостиница на Манхэттене в Нью-Йорке.

6

Крупный горный хребет на западе Северной Америки.

7

Античный музыкальный инструмент, состоящий из двух металлических чаш.

8

Город, расположенный в северной части штата Аризона на юго-западе Соединенных Штатов
